

Дмитрий Веденяпин

Птичка

Дмитрий Веденяпин

Птичка

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Веденяпин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В26

Д. Веденяпин

В26 Птичка / Дмитрий Веденяпин. – М.: Воймега, 2018. – 64 с.

ISBN 978-5-6040915-1-7

ISBN 978-5-6040915-1-7

© Д. Веденяпин, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

* * *

Честно говоря, чушь собачья
По сравнению с... Вот
И птичка поёт, что бывает иначе,
Вот и травка растёт.

Дежавю плюс... как это... эфирное тело:
Свет на свет выплывает из сна.
Вот лимонница села и снова взлетела.
Что весна – то весна.

12 апреля 2015

Неожиданная находка, или Разговор Булата Окуджавы с Мерабом Мамардашвили после просмотра «Бриллиантовой руки»

Расползлось, растеклось, разлетелось по всей ойкумене.
Зря старались лучи, композиторы, клоуны, все,
Кто старался, включая Андрея, что прыгал по сцене,
Как слова по шоссе сквозь туман полоса к полосе.

Поднимите, пожалуйста, синие взоры,
Так сказать, отряхнитесь от сна.
Вот лежит на боку чёрный ящик Пандоры,
Сбита крышка – земля спасена.

(И опять все поют, только Мамардашвили
Сокрушённо скрипит головой.)
Изумительно мыслей твоих чахохбили,
Но надежда сильнее, дорогой.

2015

Ф. М. Достоевский и А. Г. Сниткина
выходят на Воздвиженку
из метро «Библиотека имени Ленина»

– Это что там за хрен с бороною?
– Ты. – Как я? Это я? – Ну не я же!
Достоевский закашлялся даже.
– Что ты, Аня! (Господь, мол, с тобою.)

Вдруг припомнил Настасью, Аглаю
И – со вздохом – что это не Невский...
– Так, смотри-ка, и впрямь – «Достоевский»...
Кстати, Аня, зайдём к Николаю.

Он, конечно, старик оголтелый,
И наука его не наука,
Но чудесная всё-таки штука –
Философия общего дела.

2015

* * *

Всё чепуха, труха и шелуха.

Иисус сказал: «Пусть тот, кто без греха...»

Он ничего не говорил про милость.

Но люди разошлись, потупив взгляд,
Тогда, две тыщи лет тому назад.

Сегодня положение изменилось.

Хотя и те ребята были не
Шагаловские дачники в окне,
Не Зингеры в очках, не раби Зуси,

И совесть их не то чтоб ни при чём —
Но дело всё-таки не в ней, а в Нём,

Не в устыдившихся, а в Иисусе.

2015

* * *

Каждое утро
в течение не то семи,
не то девяти дней
мой приятель
фотографировал семейку опят.

На первом снимке
грибы маленькие, круглые,
крепенькие
(слово из эпизода полувековой давности:
отец раскладывает на крыльце *по росту*
несколько белых и подберёзовиков,
дачная хозяйка прицокивает:
«Крепенькие!»),
на последнем —
тёмно-бурая слизь.

Вот так и люди:
сначала крепенькие,
потом слизь.
Или пепел.

Тоже мне новость,
скажете вы.

Новость не новость,
а интересно.

2015

* * *

Не исключено,
что déjà и jamais vi
одно и то же
и имеют такое же отношение к реальности,
как наши представления
о них самих.

2015

Два Фёдора

Не то чтобы в прямом, скорей в заочном
Эфире повстречались Фёдор Палыч
И тоже Фёдор – правильно – Михалыч,
Герой и автор в отпуске бессрочном.

Сошлись и обнялись и ох как славно
Поговорили про детей, про то, как
Они жестоки, как вообще жестока
Земная жизнь, жестока и бесправна.

Солировал Фёдор Михалыч, Фёдор
Же Палыч думал: «Ну и типчик!»
Потом поговорили про *изгибчик*,
Про женскую всю эту дурь и одурь.

О чём *не* говорили: о Всевышнем,
Жидках, уделе русских незавидном,
Обоим это показалось лишним,
Пустопорожним, слишком очевидным.

2015

* * *

В серых стёклах, не то зеркалах
На каком-то закате-рассвете
Эта женщина честно светилась впотьмах,
В полумгле-полусвете.

О позорно-неловкие полуслова:
Перелёт-недолёт, но без них мы,
В смысле я, знать-то знал, но набрёл бы едва
На Незнайкины рифмы.

А они хороши. Почему? Потому
Что ботинки и полуботинки,
Да и палка – селёдка (одно к одному),
Как подушки-простынки

На диване, нет, полудиване, тахте
Или кресле-кровати...
Как вот эта вот женщина в той темноте
На рассвете-закате.

2015

Варшавская элегия

В кровавых отблесках закатного огня
Я вышел из дому, помятый и небритый,
И мысли чёрные окутали меня
Как бы туманом ядовитым.

Ни славы, думал я, ни денег ни хрена,
И с каждым днём, ей-ей, слабеют жизни силы,
Народ за Путина, и юная жена
Меня, похоже, разлюбила.

Не зная никого, не знаемый никем,
Блуждал я сумрачно по сумрачной Варшаве,
О чём бы ни спросил, в ответ неслось: «Не вем».
То так. Сплошной «не вем». А небо всё кровавей.

2015

* * *

Мы с папой играли в серсо.
Мне было приятно, однако,
Пока подлетало кольцо,
Душа успевала поплакать

Среди малышей без трусов
На пляже и дядек поддатых
На лавочках у корпусов
Советского пансионата,

Где, глядя в столовский вокзал
Поверх запеканок и вафель,
Я чайную – с громом – ронял
Нечайную ложку на кафель.

Но тут появилась она.
Я выронил вилку и ложку,
Я сам себя выронил на
Залитую светом дорожку.

Её очевидная связь
Со всем, что и есть непреложность,
Меня затопила, лучась,
Как чистая, в общем, возможность.

Мне начало сниться не то,
Такое, что даже пугает.
Фон Триер, Бердслей и Кокто,
Как щас говорят, отдыхают.

Слепой – от смущения – как Пью,
Как Сильвер – от счастья – неловкий,
Я ел запеканку в раю
Гремящей советской столовки.

2015

О перемене ума

Хорошо, допустим, дело в том,
Что не надо петь с набитым ртом
Ни в прямом, ни в переносном смысле.
Я про всё: про пение, и про рот,
И про то, что нас с тобою ждёт
Кривоногий умывальник «Grizzly»,
Если мы не переменим мысли.

Это как в военных лагерях,
Думаешь о чём-нибудь, вдруг — бах! —
«Веденяпин, два шага из строя!
Что ж ты, — тут идёт беззлобный мат, —
Портишь нам статистику, солдат,
Ты ж интеллигент и всё такое.
Ну-ка мухой сделал метанойю».

2015

* * *

В Италии я был в музее митр
На выставке старинных клавесинов.

Как если бы этюдник и пюпитр
Поспорили на рощу апельсинов,
Что лучше: цвето- или звукоритм,
Внутри царили Бах и Барбарино,
Снаружи пальмы, ласточки и мирт,

В мечтах – Мальвина,
В сердце – Буратино.

2015

Маяк

Старик сидит в прозрачном «помните»,
Как на террасе или в комнате

Среди смеркающихся слов,
Перед окном, открытым настежь,
Где то потухнешь, то погаснешь,
Разглядывая свой улов.

Когда темно и непонятно,
Стон, плач и солнечные пятна.

Там, где ни слёз, ни маеты —
Родные вспышки темноты.

2015

* * *

Когда мы подъехали к дому, было уже темно.
Дождь мерцал, ветер дул со стороны залива.
Ты была в белом свитере и сером плаще, как в кино
Бергмана или Годара, в общем, очень красивой.

Пахло жасмином, морем, соснами и травой,
Счастьем, сказал бы я, только не вечным, взрослым,
Где чёрный мальчик с факелом кружит над головой
Чуть ли не в каждом кадре, – взрослым, чересполосным.

Мы устроили ужин (кстати, может, и нет),
Точно чего-то выпили – in vino ve... – иначе
Что ж за кино? Когда я позже выключил свет,
Снова стал виден сад и крыша соседней дачи.

2015

* * *

Кто-то снизу крикнул: «Поручик!»
И поручик Сунцов прошагал к окну.

Ни души. Пустовал даже грязный стульчик,
На котором вечно кряхтит этот горе-сапожник, ну,
Этот жид – как его? – Шмутьчик? Срульчик?..

«Господа, – ни с того ни с сего прошептал поручик, –
Всё пропало: Россия идёт ко дну».

2015

* * *

На тропинке иголки, травинки,
На дорожке листочки, серёжки,
Крупным планом сапожки, ботинки,
Мельтешащие детские ножки.

Перевернутый смысл пантомимы,
То есть этой заставки-картинки,
В том, что всё настоящее мимо
Пролетало, как эти ботинки.

Фильм о школьниках. В классном журнале
Или на физкультуре по росту
Это мы там, как буквы, стояли,
А оно проносилось, как звёзды

По доске то ли южного неба,
То ли карцера — помните карцер
Таганрогской гимназии, где бы
Сел да так и сидел до вакаций?

2015

Кясму. Утро в лесу

Нет ничего прекраснее, чем лес
С нечастыми вкраплениями датчан
На великах, и пеших англичан,
И даже немцев с картами и без.

В лесу ты есть такой, какой ты есть,
Но лучше, вероятно потому,
Что здесь, в лесу, слышней благая весть,
Или ещё Бог знает почему.

В лесу живёт прозрачный свет, а в нём
Прозрачный смысл, а с ним любой дурак —
Да что уж там — любой духовный гном
Становится уместным, как овраг,
Болото, камень или бурелом.

2015

* * *

Какая-то птица скрипела,
Название птицы, увы, —
Канюк? Пустельга? — улетело
Из ржавой моей головы.

Бывают же птицы на свете
И солнца круги и слои,
Где бабочки делают эти
Балетные взмахи свои.

Бывают же лес и черника,
И лес, и черника, и свет,
И ягель, и море — и дико,
Что этого, может быть, нет

В том месте, куда нас, понятно,
Не то чтоб пустили, но где,
Наверное, было б приятно
Сквозь сосны спуститься к воде.

2015

Kukeseened^{*}

Алиде Пурью

В так называемых посадках
(Я не о сталинских затеях),
В квадратах сосен, как на грядках,
Стоят, желтея,
Игрушечным отрядом Мао,
Распетушившимся не в меру
Под небесами Лахемаа
В заливе Эру.

2015

* Лисички (*эст.*). В буквальном переводе – петушиные грибы.

* * *

Надеешься на да, а если нет,
Вот нет и всё, и всем, смежившим очи,
Желают, так сказать, спокойной ночи
И аккуратно выключают свет.

Un vrai monsieur, единственно бесспорный
Знарок, как *comme il faut* держать лорнет,
Вертинский утверждал, что синий цвет
Для фрака предпочтительней, чем чёрный.

*На сцене, в свете рампы, господа
(Товарищи, – он поправлялся сразу),
Всё чёрное покажется всегда
Как будто пыльным, а артист обязан*

*Быть вечно новым, свежим, как вода,
И, – сбился вдруг, – надеяться на да.*

2015

* * *

А. Б.

С балкона вид на плохонький лесок.
С опушки вид на полудохлый дом
Отдыха с желтеющим окном,
Всего одним: твоим (моим?), и в нём —
Сидящим с головою на бочок
В протрации перед пустым листом —
Писателем... Что скажешь, старичок?..
А я уж всё сказал. Теперь — молчок.

2015

Психотерапевтическое

В зеркале сна
Юнг увидел гну.
«Не дрейфь, – крикнул Фрейд, –
Это всего лишь
нос».

2015

Туман в Ярославле

А. П.

Норштейновский туман над нами проплывает.
Поёживаясь, мы почти не верим, что
Вон там (У-гу! – У-гу!) лежит, как неживая,
Бурлацкая река в декабрьском пальто.

Как Тютчев говорил какому-то министру,
«Рассчитывать на то, что “вспрянет ото сна”,
Примерно то же, что пытаться высечь искру
Из мыла...» Но бывает белизна,

Она же пелена, в которой время-место
Уже важны не так, как то, что есть ладонь,
Раскрытая в исконном смысле жеста,
Иконном, в том, в котором смысл – огонь.

2015

* * *

Ты ещё в метро, но уже как будто
Дома — прыгнул и повис, как Нижинский,
В комнате, где медленные минуты,
А в окне мимические снежинки.

В многоярусной плюшевой табакерке
То сверкнут очки, то блеснут бинокли.
Сон во сне, видение? Хрен редьки
Не слаще — Ананке, рок ли...

Что Париж — бери выше — паришь над сценой,
Как в зловещем космосе чёрно-синем
Космонавт Леонов, поджав колени,
На своей нейлоновой пуповине.

Раб волшебной лампы, артист в законе,
Весь в мечтах-прозрениях, как в темнице...
Осторожней с мечтаниями — вот что я понял
К своим ста пятидесяти — могут сбыться.

2015

Енгибаров

Я шёл по весенней Москве,
Всему просиявшему – оду-
Неодушевлённому: окнам, траве –
Бормочущей оду не оду.

Забросившей поверх толпы
На дерево вешнюю пташку,
Как внешнею частью стопы
На голову чайную чашку.

Две спички в ущелье ручья –
Регата ни много ни мало.
Я, кстати, хотел, чтоб моя
То выиграла, то проиграла.

Какой бы была наша жизнь,
Каких бы не знала кошмаров,
Умей мы хоть что-нибудь из
Того, что умел Енгибаров.

2016

Может, хватит, или Весна древнесоветская

Эх, Даная, Дана...
Здравствуй, весна!
Локоть, зеркало, шкаф,
Вид из окна
На повергшихся ниц
В лужи — чвирк-чвирк —
Расшумевшихся птиц...
Вот те на!

Локоть, шея, рукав —
Световой боди-арт.
Закрывается шкаф,
Открывается март
Или даже апрель,
А ещё лучше май.
Не метель нас, метель...
А, Дана... Адонай.

2016

Чехов. Возвращение с о. Сахалин

Душа снаружи, а не внутри, –
Сказал писатель Ромен Гари.

Мы ощупью бредём среди чудес и тайн, –
Сказал учёный Альберт Айнштейн.

А что цикаута, – под звон цикад
Сказал философ в саду цитат.

Примерно то же в ином ключе
Сказал прозаик на букву «Ч»,

Когда, едва не лишившись чувств,
С садком подмышкой, в садке – мангуст

(«Мангус», как сам он писал в письме),
Он стал спускаться, блестя пенсне,

По сходням, полный пространством и
Недоумением, с платком в крови.

2016

Сонет

...светозарный бог...

Тютчев

По улице шёл светозарный бог.
Машины отражённым светом
Светили в темноте, как сигареты,
Наверно, рыбаков.
Откуда бы иначе поплавок,
И то сказать, почти неразличимый
На снимке, где среди ночных стволов
Блестит вода, стоят дома из дыма
И автор этих строк
Не в фокусе? Так что ещё вопрос,
Как Анненский писал: «То я ли? Я ли?»
Но важно то, что — опущу детали —
Тот, светозарный, приближаясь, таял,
А удаляясь — рос.

2016

Икар

Остаётся то, что остаётся
В световом пятне.
Остальное больше не вернётся
Ни внутри, ни вне.

– Интересно, что же остаётся, –
Вздрыгнет молодой
Литератор, шевельнув сурово
Нежной бородой.

– Блик иного, мальчик, блик иного, –
Я скажу ему.
И взлетит непрошеное слово
И падёт во тьму.

2016

* * *

Фет говорил одно, Блок говорил другое
При всей его любви к Фанасичу Фету.
Но если ты, ступив за некую черту,
Всё мекаешь-гадаешь: «За кого я?» —
Твой ум увяз и месит пустоту.

Ну Фет, ну Блок, а ты-то, ты-то сам
Что думаешь про этот стыд и срам
Бессмысленных и беспощадных страхов,
Толкущихся вокруг, как пыль в луче?
В чём твой идейный вклад (помимо ахов)
В дискуссию о двери и ключе
Из золота и золоте из праха?

Скажу про прах и золото: одно,
Как свет во тьме, в другом заключено.
Способен всякий — в том-то всё и дело —
Создать из праха золото, но дух
Ослабевает с возрастом, и тело
(О этот выбор одного из двух!),
Не в силах больше оставаться целым,
Всегда, немея, выбирает тело
И в ямку — бух!

А ослабевший дух, наоборот,
Нырнет вверх и, затаившись, ждёт,
Став начерно, как все, частицей неба,
Пока иные небо и земля
Не превратят его каля-маля
В мир-чистовик, где ты и был и не был.

2016

* * *

В лесу упущенных возможностей
Летают солнечные рыбки,
Кружатся бабочки-песочницы,
Поют и пляшут маргаритки.

Между кувшинок в облаках,
Скользя над ёлками с мальками,
Сосредоточенный монах
Висит над миром вверх ногами.

То не враги по CNN,
На первом на родном канале
Нас призывали встать с колен,
Как будто мы на них стояли.

Отлично выпавшись в гробу,
Монах витает над поляной.
Но вот уже берёт трубу
Трубач из книжки Иоанна.

2016

* * *

Когда жена подымет вой
И хлынет на берег крутой
Своей неприбранной постели
Не в эротическом чаду,
А в истерическом бреде,
То различаешь еле-еле
Цель путешествия вдвоём,
Но, вспомнив вовремя о том,
Что у искусства нету цели
Помимо той, что в нём самом,
И вслушиваясь в речь, бесспорно
Несовершенную по форме,
В один непрошенный момент
Вдруг понимаешь: форма вздорна,
Но есть контент.

2016

* * *

Приятный ветерок щекочет
Твой глаз, уставший от обид –
Несметных стогн кичливый вид
Измучает кого захочешь.

А здесь седые валуны,
И клики чаек над волнами,
И человечесий стон сосны,
И мальчик в хлопковой панаме,

Жующий яблоко, верхом
На лодке, вросшей кверху днищем
В песок, читает «Принц и нищий»,
Детгизовский старинный том.

2016

* * *

Месье Тыкто́ надел пальто,
Поймал такси и – à bientôt –
На самолёте
Умчал за тридевять земель,
Вошёл в отель и лёг в постель
С какой-то тётей.

Прошло полвека – mille pardons –
Фактически прошёл эон
«До скорой встречи»,
И вот уже не père, а fils
Аэропорта вышел из
Заре навстречу.

И был, как написал один
Писатель, вечер,
И было утро: день един.

2016

В поезде

Свеча горела на столе...

Пастернак

– Вы знаете, – так начал он,
Но мы не знали
Про то, что значит антифон
И склад в хорале.

Скрипач, он знал и про орган,
И про соборы,
И этих, как их, лютеран
Хоры́ и хóры.

Но не сошёлся клином свет
На Бахе с сыном –
Четвёртый наш сосед, поэт,
Прочёл стихи нам.

Не ради выпиванья, нет,
Знакомства ради
Я вынул «Абсолют» – поэт
Убрал тетради.

Когда скрипач достал коньяк
И кныши с вишней,
Сантехник выкрикнул: «Ништяк!» –
Что было лишним.

– Ад – перевёрнутое да.
К чему бы это? –
Ударил в сердце нам тогда
Вопрос поэта.

– Да – это ад, – вздохнул знаток
Органной техники.
– Любовь не ведает преград, –
Сказал сантехник.

– А рай? Он есть? – спросил скрипач. –
Что там за гробом?..
Меня душил то смех, то плач,
То сразу оба.

Я выпил залпом свой коньяк,
Скрывая чувства.
Рай – это посидеть вот так
С людьми искусства,

Рай – он не где-то, он внутри...
Как равный с равным,
Проговорили до зари
О самом главном

Водопроводчик, музыкант,
Кудесник слова
И я, простой официант
Из Могилёва.

2016

Стихи и птицы

– Есть только птицы и стихи.

– А как же львицы и грехи,
Болезни, приступы тоски,
Беда и гибе...

– Дэдэ, да-да, спасибо.

– Ехидничаешь? – Извини.
«И то и то» и «либо-либо» –
Два берега одной реки,
Две версии фигни.

– А что же не фигня? – Стихи
И птицы, птицы и стихи,
Осколки света,
Короче говоря, слова поэта.

– А кто поэт? – Вот тут тупик, каюк
Всем умозаключениям; канюк
Парит, как мысль, описывая круг
За кругом,
И мыш, как мысль, сидит в своей норе,
И мы как мы стоим, воздев горе
Над дольным лугом
Две пары рук.

2016

* * *

Сквозь скорбный скрип пружин и космы
Подъездной тьмы
Я выходил в открытый космос
Другой Москвы.

Другой не потому что Брежнев
Или Хрущёв,
А потому что жизнь безбрежной
Была ещё.

То небо как бы не кончалось —
Не так, как тут,
И утро плыло и качалось,
Как парашют.

Был город жёлтым, небо синим,
Темнел подъезд,
Я плыл, как точка, посредине
Бездонных бездн

И мысленно, что твой Овидий,
Смотрел сюда
И всё не всё, но что-то видел
Уже тогда.

2016

* * *

Все идеи заржавели, все концепции поблёлки,
Верования засохли, философии промокли.

Как Некрасов написал: «Куды крестьянину податься?»
На часах теперь всегда без пяти двенадцать.

Между тем пищат скворцы, ласточки резвятся,
Парни с девками шур-мур, дети веселятся.

В магазинах для еды
Куча всякой ерунды,

Кстати, очень вкусной. А уж разных там обнов,
В смысле платьев и штанов —

Это ж просто дикость!
Скажешь, накость выкусь,

Скажешь, дорого дерут...
А ты заработай!

Помнишь присказку про труд,
И про рыбку, и про пруд?

Скажешь, неохота...
То-то и оно-то.

2016

* * *

Мармеладов и Каннингем – молодцы!
Верно поняли: без дома беда.
Вот идёшь по городу – троллейбусы,
Водостоки, вывески, провода.

Вот проспект длиной с Миссисипи впадает в пло-
Щадь с пол-Люксембурга – где дом твой, ноль
Без палочки? Ой, мировое зло,
Ой да рассыпало вместо пшеницы соль

Ой да на раны... Бедный эфир-зефир
Ох загрустил, тоже один-един,
Веять не веет в гнёздах фатер-квартир,
В море голов, океане машин.

2016

* * *

Розы цветут, красота, красота...

Андерсен

В белом венчике из роз...

Блок

Мелькнёт и исчезнет и всё-таки нет да
Вернётся – пускай
Спустя много месяцев... Верная Герда,
Где кайф твой? Где Кай?

Где башни и арки дремучего леса?
Где ворон и волк?
Мелькнут и исчезнут, как принц и принцесса,
Как бархат и шёлк.

Надёжно работает снежная почта,
Мороз – красный нос,
Так вот что такое «Двенадцать», так вот что
За венчик из роз.

В ненастье, любезное троллям и ведьмам,
За тёмным окном
Нет-нет и мелькнёт эта женщина с бледным
Прекрасным лицом.

Мелькнёт и растает в чертогах из света,
А мы тут как тут:
На даче, где бабушка, вечное лето
И розы цветут.

2016

* * *

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии людей, чья речь ясна
Как день и вместе с тем темна
Как ночь — как будто я в горах
(А я тот парень, что в горах не ах)
На ватных, как бы не своих ногах,
Вот именно, на гнущихся мостках
Стою, дрожа, как нежная струна,
Шепча: словам числа нет, бездне — дна.

2016

* * *

...Как откровение духов.

Тютчев

О, весна без конца и без краю...

Блок

В складках голоса, как в шкафу,
Хорошо сидеть наяву
Между платьями и духами.

Пахнет мамиными духами.

В лиловатых искорках тьмы
Платьев тоже как будто тьмы.

Просто голос, но в нём, не знаю,
Что-то вроде весны без краю.

Как так вышло, понять нельзя.

Вдруг базедово телеоко
Замигало, что та сорока,

Чёрно-белым в каком-нибудь
Шестьдесят шестом или пятом

И ведущий в слегка помятом
Пиджаке сообщил сквозь шум

(Он же тишь) времени из-за линзы
О присутствии вечной жизни

В тембре, или, вернее, и
В тембре, и в интонации.

2016

* * *

Как будто человек открыл окно,
А там не в рифму на́ тебе – светло.
И день, скажу ль, искрящийся жемчужно,
Стоит, как ёлка в солнечной пыли,
Заснеженный от неба до земли,
Добру и злу внимая равнодушно.

2016

Случай

Ко мне припёрлась голая жена.
Она была прекрасна и нежна.
Пришла и обняла меня. Вообще-то
Я спал уже, но, ощутив её
Угрюмый огонь, моё (по всем приметам)
Навстречу ей очнулось бытие.

Я был стыдливо-холоден сначала,
Но плоть её светилась и взывала...
Сопротивляться не имея сил,
Я оживляться стал всё боле-боле,
И задохнулся вдруг, и поневоле
Её восторг, стена, разделил.

2016

* * *

Дед Мороз застыл на минус двадцать,
Сыпется Снегурочка с небес.
Правда, что-то в этом белом танце
Противоестественное есть.

Даже если в доме пахнет глажкой,
Чистотой с прожжённым уголком,
И невинней папиной рубашки
Млечный свет висит под потолком,

Даже если ёлка, гости, свечи,
Christmas, Uncle Scrooge и Jingle Bells,
Всё равно и незачем, и нечем
Крыть, когда представишь летний лес,

А не эти хладные чертоги,
Сказочной, согласен, красоты,
Где чуть что — деревенеют ноги,
Коченеют руки и хвосты.

2017

Стихи, которые могли бы написать,
но не написали Карл Маркс
и Никита Сергеевич Хрущёв

Образ твой мучительный и зыбкий
Я не мог в тумане осязать.
«Коммунизм», — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

2017

* * *

Вера тут не в то да сё,
А конкретно в то, что это
Наше, в смысле наше всё,
И надежды больше нету.

Перспектива не ясна.
Но когда беспечной птичкой
Расщебечется весна,
Я надеюсь по привычке.

Зарокочут соловьи,
Встанет ночь в дверном проёме.
Никого не будет в доме,
Кроме правды и любви.

2017

Лесная вечность

Насколько же приятней про деревья,
Про землю в палочках-листочках,
Про то, над чем,

Как пели в старину, не властно время
Совсем – ну не цепляйтесь – если точно,
Почти совсем.

Синее синевы, сосней сосны
Стоит она, сама себя стесняясь,
То улыбаясь, то не улыбаясь
Из глубины.

Жерло? Не то! Какое тут жерло?!
Скорее кьяроскуро и сфумато.
Опять не то, но всё равно, ребята,
Нам повезло.

2017

Лифт. Улица 26 Бакинских комиссаров, д. 1, к. 1

Зачем врать? К чему притворяться?
Пятигорский

Зачем врать? К чему притворяться?
Ну и что, что общественность просит не повторяться!
Что важнее – общественность или гудящий лифт
И мгновенное знание, что это мама,
И – привет от Бердяева – в смысле само-
Познания: снег, как шрифт,
Крупный, только, как в негативе,
Белый в угольной перспективе
Полуправд-полукривд
Нашей улицы имени всех комиссаров,
Кровожадных и добрых, нестарых и старых,
Настоящих и гипсовых, – лифт
Грохает и замирает со стоном.
Баба Аня на идише по телефону
Говорит с тётёй Женей – опять
Тайны, какие-то вечные шифры.
С неба сыпятся снежные буквы и цифры.
Я несусь открывать.

2017

Дятлы

Приснились Байтов, Фельтринелли,
Шестов и Радлов.
На наш участок прилетели
Шестнадцать дятлов.

Был кто-то лишним в этой группе
На самом деле.
Сперва, конечно, я подумал,
Что Фельтринелли,

Но, глядя, как пестреют дятлы
На ветках вишни,
Я догадался, что у Бога
Никто не лишний.

Зачем-то мы нужны друг другу,
Как Брежнев Пельше.
Хотя, наверно, кто-то больше,
А кто-то меньше.

2017

* * *

Ботик вышел в море и пропал,
Растворился в чашке.
Ночь идёт что твой Сарданапал
В розовой фуражке.

Перламутр и жемчуг, нежных век
Розоватый отсвет...
Я хочу сказать, что человек,
Несмотря на то что

Он не смыслит в этом ни аза,
Просто так, как зритель,
Иногда заглядывает за
Горизонт событий.

2017

Очки и туфли. Слияние

Только лампы потухли,
Нам предстала впотьмах
Встреча женщины в туфлях
И мужчины в очках

Под рисунком Моранди
У ночного окна
На пустынной веранде
За бокалом вина.

Никаких разговоров,
Только туфли в очках
Отражались, как море
В рыболовных крючках,

Только сосны чернели,
Только волн гребешки,
Словно туфли, белели
В темноте, как очки.

2017

* * *

Голод волчий.
Холод собачий.
Угол медвежий.
Fuera esta noche.
Che tu mi piaci.
Tombe la neige.

2017

Подвиг поэта

...в закоцитной стороне...

Баратынский

Чем дальше, тем больше неясностей в главных вопросах
И меньше доверия ко всякого рода ответам,
Любым, даже самым высоким, как дом на колёсах,
Сквозь чёрные буквы летящим по белому свету.

Никто никому в этом мире не должен ни грана,
Но есть, как сказал бы Израиль Натаныч, одно исключение,
И это, конечно же, ты – вот такое везение,
Еврейское счастье, сострил бы Израиль Натаныч.

Под бременем тяжкого долга согнувшись до срока,
Ты сам, как прицеп на ухабах и поезд на стыках,
Кряхтишь, раскалившись на юге, а то одиноко
Скрипишь, коченея под ветром, на севере диком.

Так в чём же твой долг? Жаль, Израиль Натаныч далече,
А то б он порадовал нас остроумным ответом,
Сказал бы ну что-нибудь вроде: содействовать встрече,
Ну да, закоцитной, – не в этом ли подвиг поэта?

2017

* * *

1

Тебя не будет, тебя не будет, тебя не будет, –
Подпрыгнул как-то в своей кровати дошкольник Изя,
Ладшки взмокли, губа трясётся, глаза как блюдца,
Один на целом-прецелом свете во мраке жизни.

Настало утро, и мальчик Изя и все проснулись.
Вот солнце светит, вот папа ходит, вот мама гладит.
Ночные страхи вдруг расступились, перевернулись
В какой-то дикий теду бе нябет, теду бе нябет.

2

Однажды Изе приснилась птичка с часами в спинке.
Она сидела, потом вспорхнула и улетела,
И понял Изя, столетний Изя, тараша зенки,
Что худо дело, ох, худо дело, эх, худо дело.

Опять за горло его схватили железной хваткой,
Опять сверкнули в углу над шкафом клыки и когти.
Будь Изя прежним, подпрыгнул б снова в своей кровати,
А этот просто, держась за сердце, привстал на локте.

2017

* * *

Когда с приятелем в заснеженных полях
Мы вглядывались в даль, как лыжники в разведке,
И новогодний мир светился, как фонарь,
Сквозь дырки снегопадной сетки,

И что-то тикало и шелестело, но
Товарищ мой прибег к испытанной уловке:
Он закурил – и тут же, как в кино,
Автобус, фыркая, причалил к остановке.

Звенела жёсткая январская земля,
Автобусная плоть тряслась и дребезжала.
Пошли мелькать леса, поля, леса, поля,
Вновь что-то щёлкало и сразу замирало.

Но только жизнь спустя понятно стало мне,
В чём там на самом деле было дело:
Сливалось с тишиной и замирало не
То, что дребезжало и звенело.

2017

Содержание

«Честно говоря, чушь собачья...»	3
Неожиданная находка, или Разговор Булата Окуджавы с Мерабом Мамардашвили после просмотра «Бриллиантовой руки»	4
Ф. М. Достоевский и А. Г. Сниткина выходят на Воздвиженку из метро «Библиотека имени Ленина»	5
«Всё чепуха, труха и шелуха...»	6
«Каждое утро...»	7
«Не исключено...»	8
Два Фёдора	9
«В серых стёклах, не то зеркалах...»	10
Варшавская элегия	11
«Мы с папой играли в серсо...»	12
О перемене ума	14
«В Италии я был в музее митр...»	15
Маяк	16
«Когда мы подъехали к дому, было уже темно...»	17
«Кто-то снизу крикнул: “Поручик!”...»	18
«На тропинке иголки, травинки...»	19
Кясму. Утро в лесу	20
«Какая-то птица скрипела...»	21
Kukeseened	22
«Надеешься на да, а если нет...»	23
«С балкона вид на плохонький лесок...»	24
Психотерапевтическое	25
Туман в Ярославле	26
«Ты ещё в метро, но уже как будто...»	27
Енгибаров	28
Может, хватит, или Весна древнесоветская	29
Чехов. Возвращение с о. Сахалин	30
Сонет	31
Икар	32

«Фет говорил одно, Блок говорил другое...»	33
«В лесу упущенных возможностей...»	34
«Когда жена подымет вой...»	35
«Приятный ветерок щекочет...»	36
«Месяц Тыкто надел пальто...»	37
В поезде	38
Стихи и птицы	40
«Сквозь скорбный скрип пружин и космы...»	41
«Все идеи заржавели, все концепции поблёкли...»	42
«Мармеладов и Каннингем — молодцы!..»	43
«Мелькнёт и исчезнет и всё-таки нет да...»	44
«Я чувствую непобедимый страх...»	45
«В складках голоса, как в шкафу...»	46
«Как будто человек открыл окно...»	48
Случай	49
«Дед Мороз застыл на минус двадцать...»	50
Стихи, которые могли бы написать, но не написали	
Карл Маркс и Никита Сергеевич Хрущёв	51
«Вера тут не в то да сё...»	52
Лесная вечность	53
Лифт. Улица 26 Бакинских комиссаров, д. 1, к. 1	54
Дятлы	55
«Ботик вышел в море и пропал...»	56
Очки и туфли. Слияние	57
«Голод волчий...»	58
Подвиг поэта	59
«Тебя не будет, тебя не будет, тебя не будет...»	60
«Когда с приятелем в заснеженных полях...»	61

Дмитрий Веденяпин. Птичка

возрастная категория 16+

редактор:

А. Переверзин

дизайн:

Антон Чёрный

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.03.2018

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 4

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-1-7

9 785604 091517

Дмитрий Веденяпин родился в 1959 году в Москве. Окончил Институт иностранных языков им. Мориса Тореза. Работал ночным сторожем, рабочим в геологических и археологических экспедициях, преподавателем английского языка, читал лекции о русской литературе. Переводил прозу Исаака Башевиса Зингера, Брюса Чатвина, Майкла Каннингема, стихи Александра Поупа, Андре Шенье, Томаса Харди, Хаима-Нахмана Бялика, Карла Кролова и других английских, американских, французских, немецких классических и современных поэтов. Первые поэтические публикации состоялись в начале 1980-х годов в самиздате и тамиздате. Публиковался в журналах «Новый мир», «Континент», «Знамя», «Октябрь», «Новая Юность», «Иностранная литература», «Воздух» и других. Автор шести поэтических книг. Лауреат Большой премии «Московский счёт» (2010). Стипендиат Мемориального фонда Иосифа Бродского (2011).

ISBN 978-5-6040915-1-7

9 785604 091517